

Social transformation of the Cossack society and Cossack consciousness. On the example of the Siberian Cossacks

Kolupaev Dmitri Vladimirovich

Doctor of History, professor of the department of jurisprudence and political science of the Altay State Technical University, Russian Federation, 656038, Barnaul, Lenin Ave., 46. E-mail: kolupaev_dmitrij@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the special form of social consciousness, peculiar to such phenomenon of historical process as the Cossacks. In this article it will be a question of social development of the Siberian Cossacks. Especially its southern counties in which Cossacks closely contacted to Turkic ethnic groups, mainly to Kazakhs. Besides social consciousness and special mentality, such form of the economic life which allowed, keeping the known communal principles at its maintaining, was peculiar to Cossacks and to give the chance to the Cossack inhabitants of a stanitsa to develop the economy within the amplifying market tendency of the all-Russian economy. Studying of these processes also formed the basis of this research.

Keywords: Cossacks; Siberian Cossack army; interethnic interaction; cultural exchange; economic life of the Cossacks.

Трансформация мен казак сана-сезімі. Сібір казачествосы мысалында.

Колупаев Дмитрий Владимирович

тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік техникалық университеті құқықтану және саясаттану кафедрасының профессоры, Ресей Федерациясы, 656038, Барнаул қаласы, Ленин даңғылы, 46. E-mail: kolupaev_dmitrij@mail.ru.

Түйін. Мақала әлеуметтік сана ерекше нысаны, тарихи үдерістің ерекше феномені казачествоға арналған. Ұсынылған мақалада сібір казачествосының әлеуметтік дамуы туралы сөз қозғалады. Оның оңтүстік уездері, яғни казактардың түркі этностарымен тығыз қатынастары, әсіресе қазақтармен. Әлеуметтік сана-сезімі мен ерекше ділінен басқа казактарға ғана тән экономикалық өмір оны жүргізу кезінде белгілі қауымдық принциптерін сақтай отырып дамыды және казак станичниктарына жалпыресейлік экономикада нарықтық үрдістер шеңберінде өз шаруашылығы күшеюіне мүмкіндік туғызды. Осындай үдерістерді зерттеу аталмыш мақаланың негізі болды.

Түйін сөздер: казачество; Сібір казак әскері; этносаралық өзара іс-қимыл; мәдени алмасу; казактардың экономикалық өмірі.

Социальная трансформация казачьего социума и казачьего самосознания. На примере Сибирского казачества

Колупаев Дмитрий Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры правоведения и политологии Алтайского Государственного технического Университета, Российская Федерация, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46. E-mail: kolupaev_dmitrij@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена особой форме социального сознания, присущему такому феномену исторического процесса как казачество. В данной статье речь пойдет о социальном развитии сибирского казачества. Особенно его южных уездов, в которых казаки тесно контактировали с тюркскими этносами, преимущественно с казахами. Помимо социального самосознания и особой ментальности, казакам свойственна была такая форма экономической жизни, которая позволяла, сохраняя известные общинные принципы при его ведении, давать возможность казачьим станичникам развивать своё хозяйство в рамках усиливающейся рыночной тенденции общероссийской экономики. Изучение этих процессов и легли в основу данного исследования.

Ключевые слова: казачество; Сибирское казачье войско; межэтническое взаимодействие; культурный обмен; экономическая жизнь казачества.

ӘӘЖ/ УДК 94(571.1/.5)

**Социальная трансформация
казачьего социума и казачьего самосознания.
На примере Сибирского казачества**

Колупаев Д.В.

Введение. Предметом исследования данной статьи является сибирский казачий социум, рассматриваемый как составная часть российского казачества, с одной стороны, и как часть сибирского населения, с другой стороны. Подвергается анализу и рассмотрению весь комплекс социальных и хозяйственных занятий сибирского казачества во второй половине XIX века, включая изучение процесса становления казачьего самоуправления в означенный временной период, развитие и особенности казачьего менталитета, национальную структуру населения Сибирского казачества, его движение и демографические изменения, становление системы образования и здравоохранения в казачьих поселениях. В статье раскрывается смысл таких понятий, как казак, казачество, казачий социум.

Материалы и методы. В основу методологии написания данной статьи были положены несколько принципов. К первому из них относится теория модернизации, которая охватывает все стороны социального и культурного развития человеческого общества. Классическое понимание модернизации представляет её как общественно – исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми. Происходят изменения посредством социальной дифференциации, в ходе чего осуществляется общественное разделение труда. Для автора данной статьи выбор теории модернизации в качестве методологического подхода обусловлен тем, что она позволяет оценить и систематизировать различные факты, тенденции и процессы в ходе развития истории российского казачества и его отдельных отрядов, даёт возможность оценивать рассматриваемый временной период как эпоху реализации своеобразного варианта догоняющей модернизации, основанного на системе саморегулируемого казачьего социума и трансформации традиционных его институтов. В ходе процесса модернизации часто происходит определённое изъятие социальных отношений из их непосредственного контекста и помещение их в более широкие пространственные и временные рамки. Под подобным явлением автор подразумевает процессы социальной трансформации, которые нуждаются в новом прочтении. Этот аспект лучше всего виден на примере Российского казачества и сибирских казачьих общин, как его составной части. На основе анализа истории казачьего социума модернизация представляется не только в форме линейного развития социума от традиционного общества к современному, но и проявляет тенденции, в ходе которых процесс модернизации носит многомерный и неоднозначный характер. В подобном явлении, при сохранении стратегической задачи модернизации как формы неуклонного прогресса, выявляются возможности отдельных социумов путём самоизменений дать новый импульс к саморазвитию, не меняя в корне традиционных основ своего общественного состояния. Именно казачий социум подаёт пример того, как можно на основе постоянного воспроизводства традиций не по мёртвой схеме (как делали отцы), а на основе постепенно внедряемых инноваций, сначала

экономического, а затем и социального характера, не допуская нарушений основных традиций, двинуть свой социум по пути социально – экономического прогресса с сохранением основной системы ментальных ценностей. Основы источников для данной статьи – архивы Алтайского края и Омской области.

Обсуждение. Данный вопрос был подвергнут обсуждению в работах алтайских историков А.Р. Ивонина и Д.В. Колупаева (Ivonina, Kolupaev 2003, Kolupaev 2010). Над этими проблемами работали также учёные Москвы – Т.В. Таболина (Tabolina 1999) и ряд российских региональных авторов (Seliverstova, Koroljova, Lebedkin 2010).

Сибирские казаки на рубеже XIX – XX вв. вели многообразную хозяйственную деятельность - более активно, чем на других войсковых территориях, занимались хлебопашеством, разведением скота, разными промыслами, принимали активное участие в торговле на станичных ярмарках и за пределами станиц. При этом казачество продолжало нести военную повинность.

К началу Столыпинской аграрной реформы в Сибирском казачьем войске, в районе Бийской казачьей линии, находящейся в Алтайском регионе, к станице Чарышской, помимо самого станичного поселения, было приписано 5 посёлков и 8 заимок. Любопытно в этом контексте определение казачьих поселений, сделанное самим казачьим самоуправлением. Их специфика обозначалась следующим образом: *выселок* - селение в несколько (по крайней мере в два) постоянно обитаемых двора; *хутор* – селение в несколько обитаемых дворов; *слободка* – пригородное поселение с однородным населением; *усадыба* – жилой дом на участке самого владельца или на участке арендатора (офицерского или войскового), с хозяйственной постройкой; *заимка* – усадьба однообщественника, устроенного им в пределах своего юртового надела; *зимовка* – поселение, находящаяся отдельно от других населённых мест. Иногда под зимовкою понималось поселение киргиз (казахов)¹.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать вывод о достаточно зажиточной жизни казачьего населения на Алтае. Этот факт вызывал неоднозначное отношение крестьянского населения на Алтае к казакам, в котором преобладало чувство зависти. Крестьяне не учитывали, что всё мужское население казачьих станиц обязаны были идти в армию, в кавалерию, со своим конём, со своим снаряжением (сбруя, амуниция, форма, холодное оружие), за свой счёт. Казаков Чарышской станицы направляли на службу в 3 Сибирский казачий полк (штаб в Усть – Каменогорске). По положению о службе в каждой станице создавался особый фонд, поселковые суммы для отправляющихся в армию. «Каждый казак, имеющий сына не достигнувшего 13 летнего возраста, делает взнос в общественные поселковые суммы в следующем размере: 13 лет – 3 рубля, 14 – 15 лет – 11 рублей, 16 лет – 19 рублей, 17 лет – 25 рублей, 18 лет – 29 рублей, 19 лет – 30 рублей»². Эти деньги шли на амуницию казакам, отправлявшимся в службу, на покупку холодного оружия и на материальную помощь малоимущим казакам, в приобретении ими лошадей для уходящих в армию.

Эти факты повседневной социальной реальности определяют российское казачество и сибирских казаков как его составную часть, особым корпоративным элементом российского государственного механизма. Представление о казаках, как об исключительно военно – служилом элементе

¹ Центральное хранилище архивной документации АК (ЦХАД АК) Ф. 216. Оп.1. Д.34. Л.38. ,8

² ЦХАД АК Ф.216. Оп. 1. Д.12. Л. 81об,9

российского государственного социума представляется излишне поверхностным.

Российское казачество вообще и Сибирское казачество, в частности, не раз демонстрировало в своей социальной практике качество субэтнуса, определяя своё самосознание на почве этничности. Связано это было с тем, что в формировании казачьего социума большую роль играли нерусские народности. В составе казаков постоянно присутствовали татары, башкиры, другие тюркские народности, осетины, калмыки, в Сибирском казачьем войске – казахи (в терминологии XIX века казахов часто называли общим обозначением кочевого населения Степного края – киргизы). Будучи в массе своей православными, казаки достаточно терпимо относились к существованию в своих рядах лиц других конфессий. Внутри казачьего социума шло чёткое разделение: казаки по корню, казаки по службе, казаки приписные. В станицах имелись архивы, по которым прослеживалась родословная казаков и только через два или три поколения новоприбывший казак считался не «пришлым», а «своёком». Современные российские историки выделяют следующие критерии казачьей самоидентификации: «происхождение (потомки казаков); произвольная самидентификация (самосознание, самооценка, мнение о себе); особенности хозяйственного уклада, быта, поведения; членство в организациях казаков (войска, союзы, землячества, общества)» (Tabolina 1999). К обстоятельствам формирования социального феномена казачества отечественные исследователи также относят следующие факторы:

- « 1) природно – климатические условия;
- 2) лесостепная зона проживания в бассейне большой реки;
- 3) столкновения и взаимодействие различных народов;
- 4) смешанная этничность;
- 5) преобладание пассионарного генотипа;
- 6) господствующий активный тип социального поведения среди населения;
- 7) общинная социальная организация;
- 8) объединение жителей края в соседские общины и проживание по её законам;
- 9) воздействие геополитических интересов;
- 10) расположение казачьей общности в регионе столкновения политических амбиций соседних государств;
- 11) участие в первичной колонизации земель;
- 12) освоение казаками ранее неизведанных территорий;
- 13) конфессиональная терпимость;
- 14) доброжелательное отношение к иной вере, личностное восприятие бога, недоверчивость к официальной церкви;
- 15) объединение культурных влияний различных народов;
- 16) перманентно усиливающаяся сословность. Выполнение военно-служилых обязанностей для сохранения традиционных привилегий» (Seliverstova, Koroljova, Lebedkin 2010).

Все вышеперечисленные факторы в комплексе способствовали формированию казачества, в том числе, и сибирского- как особого субэтнуса, выросшего в монолит российского государства и ставшего составной частью русского народа.

Система семейно-брачных отношений в казачестве была относительно замкнутой. Браки казаки предпочитали заключать внутри своей социальной группы. При этом показательна система социальной и национальной дифференциации внутри казачьего социума. Имеющиеся в среде сибирского

казачества национальные и религиозные прослойки – татары, мордва, выходцы из Украины, повёрстанные в казаки казахи сохраняли свою бытовую и, отчасти, религиозную особенность. Однако, все члены этих сообществ считали себя казаками и не желали относить свою принадлежность к другим социальным слоям империи. Наличие и рост собственного самосознания, собственная модель социального поведения сибирского казачества вызывали определённое раздражение не только у исторических соседей казаков – крестьян и киргиз, но и в последние годы столетия и у представителей чиновничьих ведомств Российской империи. Участвовавшие в 1890 гг. споры из-за земельных наделов в 10-вёрстной полосе между сибирскими казаками и казаками при поддержке последних официальными властями показывают, что казачья самодостаточность и самосознание было не по нутру многим представителям официальных властей. Складывалась при этом парадоксальная ситуация, когда казачий социум саморазвивается, сохраняет свои традиции, прежде всего, боевые, переходит на самообеспечение и фактически не стоит государственной казне никаких средств, и при этом вызывает раздражение у самих властей. Здесь явно прослеживаются истоки тех противоречий, которые привели Россию к социальным катаклизмам начала XX века. Объективные задачи развития страны в целом, отдельных её регионов и социумов входили в противоречие с ежедневной бюрократической практикой, с системой принятия решений, просто с субъективным восприятием чиновничества своей роли в российском государстве. Наличие какой – либо, хотя бы половинчатой в своей самостоятельности социальной структуры, вызывало отторжение в восприятии этого явления со стороны российского чиновника. При этом следует отметить, что система идеологических принципов, на которых строилось самосознание казачества вообще, и сибирского казачества в частности, представляло собой причудливый синтез таких понятий, как: «воля», «вера», «государева служба», «казаки от казаков ведутся», «вольное казачество». Последнее понятие в системе казачьего мировоззрения получило следующее определение: «Вольный казак – демократ прирождённый, но не демократ в смысле европейском, а в чисто русском смысле; у него вера в царя вне всякого вопроса, следовательно, вольный казак есть «царский демократ». Казак, понимающий долг и дисциплину военную, гражданскую и семейную не может быть анархистом; казак, обладающий собственностью личной и общественной не может быть коммунистом... Основы казачества: Бог, Царь, семья, казацкая община, самоуправление, полная гласность общественных дел и честная служба государству» (Dukmasov 1887). Здесь, в сжатом виде видна вся система социальных ценностей казачества. Монархизм казаков представлял собой один из традиционных вариантов русского народного монархизма. Казаки, считая себя прямыми социальными партнёрами монархии, исходя из исторических традиций договора между донскими казаками и Иваном Грозным в 1570 году, весьма скептически относились к бюрократическим надстройкам империи. Отсюда традиционный и постоянный конфликт - неважно, по какому поводу - между казаками и имперским чиновничеством. Суть этого конфликта в истории сибирского казачества ярко показывают обстоятельства земельных споров между сибирским Казачьим войском и имперскими бюрократическими ведомствами. Сибирские казаки, следуя исторической традиции, обратились за арбитражем к царям (Александру III и Николаю II) и получили от последних поддержку. Соглашаясь или противодействуя тем или иным распоряжениям властей императорской России, казачьи общества осознавали себя не просто

верноподданными жителями короны, но и полноправными участниками политического процесса, претендующими на социальное партнёрство в отношениях с царской властью.

В конце XIX века в Сибирском казачестве полностью сложился весь комплекс идентификационных критериев казачьего социума. В нём сочетались элементы как традиционного, так и модернизирующего общества. К первым относились приоритеты воинской службы, как отличительной черты казачьего бытия, его жизненной философии, всего смысла жизни казака. Своеобразное противопоставление мирного образа жизни, характерного для большинства населения России и военного, характерного для казака, накладывало неоспоримый стимул для самосознания казачества. Это военизированное самосознание доминировало в социальном мировоззрении казачества. к традиционным ценностям также относилась система православной веры, которая цементировала вокруг себя все ценностно – смысловые приоритеты духовной жизни казачества. однако для сибирского казачества было характерно собственное смысловое понятие православия, что выразилось в устойчивой традиции в среде сибирских казаков старообрядчества, терпимого отношения к нему со стороны всего сибирского казачьего сообщества, и манкирование постоянными циркулярами со стороны официальных властей, направленными на искоренение в казачьей среде «ереси». В семейно-бытовом плане сибирские казаки продолжали традиции уважительного отношения к старшим и старикам. В обществе действовала неписанная традиция, гласившая: «Старший сказал – закон».

Вместе с тем, именно казачий социум в своей повседневной практике показывал, что в России во второй половине XIX века имелись социальные структуры, которые могли органично вписаться в процесс догоняющей модернизации, без излишних социальных трагедий. Хозяйственный комплекс сибирских казаков представлял собой идеальный вариант переходного хозяйства. Подобный тип хозяйствования европейские экономисты того времени определяли следующим образом: «Произошло разделение потребительского и производительного хозяйства...Общая потребность удовлетворяется при содействии других хозяйств...Разные хозяйства производят одно для другого; это совершается большей частью в рамках старых общинных форм». (Zombart 1904) Такой вид хозяйства характерен для большинства станичных хозяйственных комплексов Сибирского казачества.

Сибирское казачество, как и большая часть казачьих войск России, имели определённые стартовые преимущества для перехода к рыночным, капиталистическим методам хозяйствования в пореформенные годы. Они заключались в наличии гибкой системы социального регулирования внутри казачьего социума, в стремлении самого командования Сибирского казачьего войска повысить систему рентабельности казачьих хозяйств. Появившаяся в станичных хозяйствах «предпромышленность» давала тот необходимый фундамент, который мог способствовать постепенному переходу на рыночные способы ведения хозяйства, не исключавшие определённых социальных регуляторов через сохранившиеся у казаков общинные системы управления. Эти экономические процессы в казачьих хозяйствах полностью соответствуют тенденциям первоначального развития капитализма, о которых современные европейские историки говорят следующее: «Предпромышленность, не смотря на свою самобытность, не была сектором с чёткими границами... Существовала крестьянская промышленность, работавшая на одну семью или одну деревню... На промышленность для семейного употребления

накладывалась индустрия, тоже деревенская, но ориентированная на рынок» (Brodel' 2006). При развитии такой формы промышленности неизменно возрастала роль казачьих предпринимателей. Они пользовались социальной поддержкой в казачьей среде при, практически, полном отсутствии чувства зависти, так часто встречавшейся в крестьянской общине. Можно сказать, что тот социальный спрос на предприимчивость и, в целом, благожелательное отношение к состоятельным казакам внутри казачьего социума, могли дать в дальнейшем тот задел, благодаря которому сибирские казаки, по мере развития рыночных отношений, смогли бы в будущем стать одним из столпов среднего класса в России. Проведение Сибирской железной дороги в 1894 году вблизи мест расселения казаков резко усилило рентабельность их экономической деятельности. Рыночные отношения буквально врывались в хозяйственную жизнь сибирского казачества. Появились среди экономически образованных офицеров Войскового хозяйственного правления идеи о развитии в среде казачества банковского кредита, системы взаимного страхования, и не только от пожаров; распространялись агрокультурные и производственные знания. Можно сказать, что к концу XIX столетия сибирское казачество стало превращаться в определённую социальную корпорацию, со своим укладом жизни, системой ценностей и приоритетов. Эта корпорация не была полностью закрытой. Сибирские казаки, при всей известной настороженности к иногородним, всё же в целом позволяли лицам не казачьего звания и, даже, представителям другой национальности, вести экономическую деятельность в пределах своих поселений. При этом православная вера, исторические традиции военной службе престолу делали казаков наиболее жизнеспособной социальной структурой традиционного российского общества. Именно эти качества казачества сделали его одной из главных ударных сил Белого движения во время Гражданской войны, вызвав стремление у ряда деятелей большевиков к физическому уничтожению казачества.

Конкретика социальной и экономической практики сибирского казачества во второй половине XIX –начале XX вв. позволила казакам выйти практически из положения служилого сословия. Само сибирское казачество увеличивалось уже за счёт внутреннего прироста, хотя практика «вёрстки» в казаки из других социальных групп империи ещё сохранялась, но уже большей частью как традиция. Стремление царских реформаторов сохранить казачьи войска как превосходную боевую единицу и при этом снизить нормы затрат на его содержание, нашли своё реальное воплощение в исторической практике. Можно сказать, что реформы в казачьей среде были одними из немногих удачных в социальной практике русского царизма после отмены крепостного права. Сибирское казачье войско к концу XIX века перешло не только на полную самоокупаемость, как было замыслено царскими реформаторами в 1860 гг. Накануне событий 1905 года оно смогло придать своим социально – экономическим формам бытия устойчивый импульс для их дальнейшего развития. Сибирские казаки, сохраняя в целом свои традиционные цели - быть вооружённой опорой режиму царской России, постепенно саморазвивались в устойчивую социальную страту, которая медленно, но устойчиво эволюционировала к формам капиталистического способа производства с сохранявшейся системой социальных гарантий для членов своего общества.

Әдебиеттер тізімі/ Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. / Перевод с французского. - Т. 2. – М., 2006.
2. Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казацким войском. – М., 1887.
3. Зомбарт В. Современный капитализм. / Перевод с немецкого. - Т.1. – М., 1904.
4. Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. Казаки на Алтае в XVIII – XIX столетиях. - Барнаул, 2003.
5. Колупаев Д.В. Сибирское казачество во второй половине XIX века. Социально – Экономический аспект. - Барнаул, 2010.
6. Селиверстова И.Л., Королёва Е.Н., Лебедкин Ю.В. Казачество и земство в России и на Орловщине. – Орёл., 1998.
7. Таболина Т.В. Проблемы современного казачества: 1980 – 1990 гг.: автореф. дисс. док. ист. наук. – М., 1999. - С. 9.

Reference

- Brodel' 2006 - Brodel', F 2006, *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.*, T.2, Moscow. (Brodel', F 2006, *Material civilization, economy and capitalism XV – XVIII centuries*, T.2, Moscow). (in Rus).
- Dukmasov 1887 – Dukmasov, I 1887, *O zaselenii Chernomorskogo poberezh'ja Kavkaza kazackim vojskom*, Moscow. (Dukmasov, I 1887, *About the colonization of the Black sea coast of the Caucasus Cossack army*, Moscow). (in Rus).
- Ivonina, Kolupaev 2003 – Ivonin, AR, Kolupaev, DV 2003, *Kazaki na Altae v XVIII – XIX stoletijah*, Barnaul. (Ivonin, AR, Kolupaev, DV 2003, *Cossacks in the Altai in XVIII – XIX centuries*, Barnaul). (in Rus).
- Kolupaev 2010 – Kolupaev, DV 2010, *Sibirskoe kazachestvo vo vtoroj polovine XIX veka. Social'no – Jekonomicheskij aspekt*, Barnaul. (Kolupaev, DV 2010, *Siberian Cossacks in the second half of the XIX century. Socio – Economic aspect*, Barnaul). (in Rus).
- Seliverstova, Koroljova, Lebedkin 2010 – Seliverstova, IL, Koroljova, EN, Lebedkin, JuV 2010, *Kazachestvo i zemstvo v Rossii i na Orlovshhine*, Orjol. (Seliverstova, IL, Koroljova, EN, Lebedkin, JuV 2010, *The Cossacks and the Zemstvo in Russia and the Orel region*, Orjol). (in Rus).
- Tabolina 1999 – Tabolina, TV 1999, *Problemy sovremennogo kazachestva: 1980 – 1990 gg.*: avtoref. diss. dok. ist. nauk, Mosocow. (Tabolina, TV 1999, *Problems of the modern Cossacks: 1980 – 1990: abstract. diss. dok. ist. nauk*, Mosocow). (in Rus).
- Zombart 1904 – Zombart, V 1904, *Sovremennyj kapitalizm*, T.1, Moscow. (Zombart, V 1904, *Modern capitalism*, T.1, Moscow). (in Rus).